

УДК 94"04/14"

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*С.Г. Кляшторный, кандидат исторических наук, профессор
(Санкт-Петербург)*

Территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до Юго-Восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира оседлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион. Пока еще не вполне ясны начальные этапы формирования этнокультурного ландшафта степной Евразии, как, впрочем, и его географические границы, менявшиеся в зависимости от изменения климатических условий, от смены длительных периодов увлажненности степей не менее длительными засушливыми периодами. Очевидно только, что в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.) и, в особенности, в эпоху так называемых ранних кочевников или «скифскую эпоху» (I тыс. до н.э.) сложилось поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей евразийской степи, от Причерноморья до Ордоса. В IV–II вв. до н.э. скифское наследие, обогащенное эллинистическим влиянием полисов Понта Эвксинского и Греко-Бактрийского царства, было в разной степени освоено и по-разному переработано сарматами в Приуралье и юго-восточной Европе, тохармикушанами в Центральной Азии, гуннами во Внутренней Азии и Южной Сибири. Именно в эту эпоху на востоке евразийских степей, в соседстве с шестью китайскими царствами, объединенными в державу (230–221 гг. до н.э.) дина-

стией Цинь, обозначился тот тип политогенеза и тот тип кочевнического государственного образования, который в тридцатые годы XX в. сначала Олов Йанзе, а затем французский историк-востоковед Рене Груссе обозначили словами *степная империя*¹. Сам Груссе, как и его предшественник, не вкладывал в это название какого-либо терминологического значения, обозначив им лишь географическое пространство, названное им «Великая степь», а также ландшафт, в котором возникли государства, созданные кочевыми народами Внутренней Азии. Поэтому следует определиться с термином *империя* применительно к такого рода государствам.

Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие империи распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в ходе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи. Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуе-

мые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — латентную или явную данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи².

Важнейшим фактором политогенеза у древних племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредствованного воздействия, социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II—I тыс. до н. э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н. э. к появлению в северной лесостепи и в горно-степной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской. Государственности, с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Первоначально, в V—IV вв. до н. э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военными потенциальными юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III—II вв. до н. э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического

устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином *вождество*, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином *раннее государство*, а применительно к обозначенным месту и времени — термином *архаичная империя*, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Ранние рассказы о северных соседях Китая запечатлел в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (145—87 гг. до н. э.). Эти сюжеты изложены им отрывочно, несистематично, предельно кратко и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII—VI вв. до н. э., именуется Сыма Цянем *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *горные жуны* и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое»³. Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «перехо-

дят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом»⁴.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. Китайский наблюдатель VII в. до н. э. отмечает, что у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим [т. е. выборным старейшинам и вождям. — С. К.] руководствуясь искренностью и преданностью»⁵. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н. э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк»⁶.

Итак, в VII—V вв. до н. э. для кочевников степей и гор севернее Хуанхэ характерен тот тип социально-политического устройства, который в современной этнологии обозначается термином *вождество*.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере появляются сильные объединения кочевых племен *юэчжей* и *сюнну*.

Юэчжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочев-

ников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских царств в IV—II вв. до н. э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию и Восточный Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн. Они первыми создали в центральноазиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну»⁷. Более того, сюнну (гунны) находились в политической зависимости от юэчжей и посылали заложниками ко двору их правителя сыновей своего вождя»⁸.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением у гуннов раннего государства. А в первой четверти II в. до н. э. гунны одержали окончательную победу над юэчжами и, в ходе последующих войн, унаследовали их империю⁹.

Какое же общественное устройство было присуще гуннскому союзу племен?

Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями. Глава государства, *шаньюй*, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском общественном устройстве немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских, и

они подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из эфемерного объединения жунских племен VI–V вв. до н. э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с империей юэчжей и другими племенными союзами и соседними китайскими царствами. Основатели державы и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Барфилда, не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков¹⁰. Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами¹¹.

Не вдаваясь в обсуждение различных оценок политического устройства древних и средневековых кочевых сообществ, я солидаризируюсь с уже высказанным в исследовательской литературе мнением, что «управленческие системы кочевых империй как явление сложное и многогранное не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций»¹². Вместе с тем мне представ-

ляется верным наблюдение Дж. Флетчера, считавшего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во все возрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований¹³.

Власть главы государства гуннов, шаньюя, была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Властные полномочия шаньюя определялись его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защите и соблюдения культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владельца окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и, одновременно, командовали левым и правым крыльями армии.

Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т. е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темники назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которой и определялись власть и военная сила темника; число в десять тысяч воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права свободного выбора — власть переходила по наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о раз-

мере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило, выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников, — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составлял контроль над пастбищными землями, проявлявшийся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права контроля целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что в свою очередь, определялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще нескольких веков жизни мелких гуннских государств.

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать:

1) Сообщества кочевых племен Центральной Азии VII—V вв. до н. э. по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных институтов.

2) Коренные изменения в их среде произошли в IV—III вв. до н. э., когда сложилась новая надплеменная политическая организация — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военноплеменной аристократией.

3) Возникшая тогда же имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы позднее нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников.

Насколько изменились структурные особенности степной империи на новом витке евразийской истории, в первой евразийской державе раннего средневековья — Тюркском каганате? На этот вопрос дают ответ рунические памятники тюрков, прежде всего орхонские и енисейские памятники.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюрков. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т. е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа».

Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников хан «держал эль и возглавлял бодун». Он

осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате даней и податей.

В рунических памятниках имя кагана выступает как эпоним («в эле Бильгекагана») и синоним («земля Капаганкагана») названия государства. Ради «Тюркского эля» каган должен «приобретать (т. е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия Тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими на исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган: а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране каким-то группировкам иммигрантов (например, согдийцам и китайцам). Главным преступлением народа против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной кагану территории, т. е. создание политической организации, системы управления¹⁴.

Каган опирался на племенную аристократию — бегов. Обращаясь с

надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!» — требует Бильге-каган), тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия — знать и народ. Стереотип обращения — *тюрк беглер бодун* «тюркские беги и народ». Наиболее резкое противопоставление знати и народа — в памятниках уйгурской эпохи: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ». Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли особое наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем, — *айгучи* «советники», *апа таркан* «высшие командиры армии», девять «великих *буйрук*» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства¹⁵.

Декларируемой обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды; про Мухан-кагана (553–572) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ», благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью». Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напо-

минает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа осуществлявшихся Ильтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!».

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических программах правителей Тюркского эля проглядываются и другие мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган, Таспар (572–581), свою главную заслугу видит в создании новой буддийской сангхи, т.е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде — вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры; но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность в духовной связанности мировой империи, созданной дедом и отцом. Только жестокая междоусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию¹⁶. В двадцатые годы VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т.е. китайской платы за мир на северной границе, Бильге-каган (716–734) резко меняет политическую линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Он пишет в своей *apologia pro vita sua*, начертанной на посмертной стеле младшего брата: «Я связал свою жизнь и жизнь своего народа с народом табгач!». Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры — он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм. Китаефильская политика встретила столь жестокое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии — оазисные царства Восточного Туркестана¹⁷. И сын Элитмиша, Бёгюкаган (759–779) обращает свой народ в манихейство. Он не скрывает, что новый акт выбора веры свершен им в результате соглашения с городами-государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара¹⁸.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога — Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах времен Первого Болгарского царства остается невыявленным и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского (X в.) содержится текст «Жития епископа Израэля», главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. «страну гуннов» в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. груп-

па тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое государственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именовал «царством гуннов». Автор «Жития», албанский клирик, не поспешил на яркие характеристики «дьявольских заблуждений и скверных дел» идолопоклонников, погруженных, как он пишет, «в языческую грязную религию». Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество пантеона — Тенгри-хан. Среди других — божество Земли-Воды (орхонское *Йер-Суб*), женское божество плодородия, которое албанский клирик, не чуждый классической образованности, называет Афродитой (орхонская *Умай*) «некие боги путей» (древнетюркские *Йол-тенгри*). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз *огузов*), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н.э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию — возникает политизированный общеимперский культ каганской четы, «рожденной на Небе и поставленной Небом», культ кагана и его старшей жены, катун, ставшими земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со «священной пещерой предков», с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи — Бумына. Именно после

моления в этом храме и «совета» с духом обожествленного кагана-предка Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения социально-культурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления древнетюркской государственности внутри и за пределами центральноазиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура приобрела новые формы, в рамках которых появились качественно иные формы бытия и новые коммуникативные средства — седентеризация и урбаниза-

ция части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достигнутого, — письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII—XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включившую в себя наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный, динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем — первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

Литература

- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1950.
- Васютин С.А.* Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005.
- Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского гос. университета, 2003.
- Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.
- Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Пазырыкская узда. К предыстории гунно-юэчжийских войн // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну, 2-е изд. М.: Изд. «Логос», 2002.
- Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988.
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. «Восточная литература», 1997.
- Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Изд. «Наука», 1968.
- Barfield T.J.* The Perilous Frontier. Nomadic empires and China. Cambridge. Mass., 1992. Blackwell Publishers.

Di Cosmo N. Ancient China and its enemies. The rise of nomadic power in East Asian history. Cambridge University Press, 2002.

Fletcher J. The Mongolic ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. Т. 46. 1986, № 1

Grousset R. L'empire des Steppes. Paris, 1939.

Janse O. L'empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1935.

Klyashtornyj S.G. Customary Law in ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. Topeka, University of Kansas, 2004.

Klyashtornyj S.G., Livshic V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. Т. XXVI. 1972. Fasc. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Janse O.* L'empire des Steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1935; *Grousset R.* L'empire des Steppes. Paris, 1939.

² Ср.: *Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. — Улан-Удэ, 2008. — С. 188–208.

³ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. С. 39.

⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. — М.—Л., 1950. — С. 142–143.

⁵ *Таскин В.С.* Указ. соч. — С. 123.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. — М., 1988. — С. 237.

⁸ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Пазырыкская узда. К предыстории гунно-юэчжийских войн // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб., 2006. — С. 367–382.

⁹ О ранних этапах формирования империи гуннов и их общественной и политической структуре см.: *Di Cosmo N.* Ancient China and its enemies. The rise of nomadic power in East Asian history. Cambridge University Press, 2002. P. 161–205; *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. — М., 2002. — С. 95–170.

¹⁰ *Barfield T.J.* The perilous frontier. Nomadic empires and China. — Cambridge Mass., 1992. — P. 32–45.

¹¹ *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997. — С. 3, 6–37.

¹² *Васютин С.А.* Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. — Улан-Удэ, 2005. — С. 59.

¹³ *Fletcher J.* The Mongolic ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. — Т. 46. — 1986. — № 1. — P. 21.

¹⁴ *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб., 2003. — С. 460–489.

¹⁵ *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 217–228; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law in ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. Topeka, University of Kansas. — 2004. — P. 13–39.

¹⁶ *Klyashtornyj S.G., Livshic V.A.* The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. — Т. XXVI. — 1972. — Fasc. 1. — P. 69–102.

¹⁷ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб., 2006. — С. 309–319.

¹⁸ Последний сюжет подробнее рассмотрен мною в статье: *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева. — М., 2000. — С. 120–125.

Аннотация

В V–III вв. до н. э. в Центральной Азии впервые возник особый тип этнополитических формирований, надолго определивший характер политогенеза во всей горно-степной зоне евразийского пространства и существенным образом воздействовавший на политические, социальные и культурные процессы во всей остальной Евразии.

В рамках этих этнополитических формирований, не вполне адекватно именуемых «кочевыми государствами», впервые обозначились мощные тенденции к интеграции, по-разному проявившие себя в различных сегментах степной Евразии. Там сложились характерные стереотипы взаимоотношений с миром оседлых земледельческих культур и государств, просуществовавшие около двух тысячелетий. Несколько условно возможно выделить три группы разных этнополитических формирований, в дальнейшем называемых мною «степными империями».

Ключевые слова: степная Евразия, политогенез, государство гуннов, Тюркский каганат, раннее государство, степная империя, тюркская руника.

Summary

A particular type of ethnopolitical formations emerged in Inner Asia in the V-III centuries B.C. which was to determine the form of politogenesis throughout the whole mountain and steppe zone of Eurasian Space and to have essential influence upon the political, social and cultural processes in the rest of Eurasia for a long time. In the context of these ethnopolitical formations, which are not adequately enough referred to as «nomadic states», some strong tendencies towards political integration became visible. These tendencies later developed in the diverse segments of steppe Eurasia. There appeared distinctive stereotypes of interrelations with the world of sedentary and agricultural societies and states, which existed for almost two thousand years. Three groups of these early ethnopolitical formations (the so-called «steppe empires») can be distinguished with a certain degree of probability. The earliest and the least examined was the Yueh-chih («Tocharian») Empire (V-III B.C.) Its political successor, which assimilated many structural peculiarities of the Tocharian Empire, became the steppe empire of Hsiung-nu (Asiatic Huns) (III B.C. – III A.D.).

Keywords: steppe Eurasia, politogenesis, Hsiung-nu state, Turkic kaghanate, early state, steppe empire, Turkic runes.